Юбилейный сборник

ПРОЗА

Литературный клуб
"Добро"

Александр Новиков

Проза. Литературный клуб «Добро»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37395506
ISBN 9785449326768

Аннотация

В ваших руках юбилейный сборник современной прозы Литературного клуба «Добро». Желаем вам хорошего настроения во время чтения и верим в то, что в вашем лице мы обретаем новых друзей.Всем мира и добра. Ведь добро – это так просто, и оно точно спасет мир.С любовью к вам ваши ДОБРОжители и ДОБРОжелатели!

Содержание

Дорогие наши читатели! 5
Ляман Багирова 7
Продаются книги 8
Карина Муляр 22
Человек, который учил летать 23
МИРАЖ 36
Юрмет Нагиев 44
Белое Облачко и Чёрная Тучка 45
Болт 49
Юная художница 51
Дмитрий Галкин 54
Весна и подснежник 55
Маша и Лес 63
Александр Борохов 69
Профессор из Африки 70
Список приговоренных 77
Белеет парус одинокий… 84
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Проза
Литературный клуб «Добро»

Редактор Александр Новиков
Редактор Рика Сорбус
Редактор Лёля Панарина
Дизайнер обложки Дмитрий Галкин
Корректор Дмитрий Галкин

© Дмитрий Галкин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2676-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие наши читатели!

В ваших руках юбилейный сборник современной прозы Литературного клуба «Добро». Год назад несколько авторов, вдохновленных верой в добро и объединенных желанием нести посредством слова свет людям, создали небольшое творческое объединение. За год существования клуб вырос, окреп, расширил свою географию. Сейчас в нем четыреста авторов ближнего и дальнего зарубежья, тысячи читателей. «Добро» живет активной, насыщенной событиями жизнью. Выпущены авторские книги, сборники поэзии и прозы, проводятся конкурсы, обсуждения, мастер-классы. На сайте клуба http://www.pisateli-slaviane.ru *много новинок – ведутся различные тематические рубрики, имеется книжная, музыкальная и видеотека*

Сборник включает произведения как именитых писателей, чьи книги полюбились широкому кругу читателей, так и начинающих литераторов, которые смогли раскрыть свои творческие способности в клубе.

Виктория Левина расскажет интересные и немного грустные истории об известном в Израиле актере и художнике. Вместе с героями рассказов Александра Борохова, основанных на реальных событиях, вы будете плакать и смеяться, сопереживая. Но для фантазии у писателя место всегда найдется. Чарующей мелодией гор Кавказа и наци-

ональным лезгинским колоритом наполнено каждое слово в поучительных историях и сказках Юрмета Нагиева. Валентин Лебедев уведет вас за собой в непроходимые российские леса, расскажет об увлекательной жизни охотоведов, о сложных взаимоотношениях человека с природой и безграничной верности животных. Ляман Багирова расскажет о том, как случай сводит вместе одиноких людей и оставляет им надежду на будущее. Короткие рассказы и эссе Ирины Коробейниковой помогут заглянуть в самые тайные уголки человеческой души, и вы прочтете их на одном дыхании. С фантастом Дмитрием Галкиным вы попадете в волшебный лес, в котором на каждом шагу происходят чудеса, и все пронизано любовью.

Свежей волной захлестнет вас и творчество начинающих авторов. Оно добавит ярких красок и заставит по-новому взглянуть на обыденные вещи и явления.

Желаем вам хорошего настроения во время чтения и верим в то, что в вашем лице мы обретаем новых друзей.

Всем мира и добра. Ведь добро – это так просто, и оно точно спасет мир.

С любовью к вам ваши ДОБРОжители и ДОБРОжелатели!

Ляман Багирова

Продаются книги

Не ослеплен я Музою моею
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет.
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем…
Е. Баратынский

Константин любил сестру. Вернее, он сам не назвал бы это чувство любовью. Они не были особо близки. Дарина родилась через десять лет после него, досталась матери тяжело, чуть не умерла при рождении, поэтому родители, страстно мечтавшие о втором ребенке, назвали ее Дариной – *даром им*.

В отличие от спокойного, здорового и красивого брата, Дарина росла слабенькой, замухрышистой и очень капризной. Константин помнил, как отец, приходя домой разбегался с порога и на одной ноге, в мягких носках, вплывал в комнату, изображая танец маленьких лебедей, а мать в это время пыталась запихнуть Даринке ложку супа. Девочка смотрела

большими неласковыми глазами, куксилась, и суп выплевывался прямо на паркет, под ноги танцующему отцу.

Время отрочества – странное, будоражащее время, когда Константин со своими взрослеющими друзьями был по одну сторону мира, а родители и все-все – по другую, пришлось на бесконечные болезни Даринки. Константин терпеливо дежурил возле сестриной кровати, подносил ей, вопящей, то кизиловый компот, то дольки мандарина, пока мать лихорадочно готовила суп или обтирала худенькое горячечное тельце. Так они стоически переходили из кори в краснуху, из свинки в ангину и расстройства желудка, и всякий раз отец с облегчением ставил галочку в списке детских болезней, отмечая ту, которой Дарина переболела, словно радовался, что их осталось не так много.

К школе Дарина стала болеть реже, но характер и внешность остались теми же. Сумрачные серые глаза, темные без блеска волосы и рот, готовый мгновенно сморщиться в капризном хныке.

К тому времени Константин уже учился в институте и родители, прекрасно понимая, что молодому парню интереснее общаться с друзьями, чем с вечно недовольной неласковой девчушкой, тихо и как-то виновато отсылали ее с балкона, служившему Константину комнатой.

– Дариночка, не мешай, деточка, Костик занимается.

– А-а-а-а! – специально громко подвывала Даринка, прыгая на одной ноге и кривляясь. – А ты дашь мне ручку,

а блокнот, а это, а это?!

Константин сжимал зубы и продолжал заниматься, пока мать не выдворяла орущую сестру и, вздыхая, не закрывала дверь на балкон.

А потом… много листков отрывного календаря осыпались на страницы их жизни.

И после смерти родителей Константин Львович испытывал болезненную горькую нежность к сестре – толстой, крикливой женщине с красными руками и тусклыми волосами – единственной ниточке, связывавшей его с детством и домом.

Дарина вышла замуж за ветеринара Степана Федоровича, высокого белобрысого человека с такими светлыми ресницами, что он напоминал бабочку-белокрылку. Две их девочки – бледные, с мучнистой кожей – унаследовали отцовские ресницы, и оттого их глаза казались коричневыми пуговицами.

После института Константин уехал в Воронеж. Думал на время. Оказалось – навсегда.

Он полюбил этот тихий город, мягкой и дождливой осенью утопающий в листьях всех оттенков желтого – темно-рыжих, медных, лимонных, охряных, красных, цвета жженой сиены. Полюбил свинцовую рябь реки, пересекающей город, и степенную неторопливость его жителей.

Воронеж был верным городом. И Константин был верным человеком. Имя его значит «постоянный», и Константин как-то с грустью подумал, что Воронеж-то его никогда не предаст и не оставит. Жена Соня, видно вышедшая замуж

не по любви, тяготилась им и городом, тосковала, и глаза ее, ясные и голубые, становились все сумрачнее. Она все чаще уезжала погостить к родителям в город на берегу теплого моря и возвращалась оттуда посвежевшая, но еще более сумрачная. И Константин видел это и молчал: а что говорить, когда что-то ушло, и уже не вернешь, как не пытайся.

Наконец, Соня тихо сказала ему, что безмерно скучает и вянет здесь, в их двухкомнатной уютной квартирке с видом на реку, среди его книг по физике, и что хочет вновь попробовать себя в музыке, которую она забросила, когда вышла замуж. И он должен понять ее. «И, – совсем уже тихо прибавила она, – может быть хорошо, что у нас нет детей.»

Константин понял ее. И когда провожал на вокзале под старинными часами, знал, что провожает навсегда. Так оно и случилось. Письма дружелюбные и холодные приходили все реже. Соня писала, что успешно занимается музыкой, и даже сама дает уроки. Потом пришло покаянное письмо, в котором она писала, что так уж сложилась жизнь, что она полюбила другого, и Константин должен понять ее и дать ей развод.

И когда их развели тихо, без упреков и обид, он вместе с обручальным кольцом вернул ей последнее письмо. От него пахло Сониными духами, и странички его были серыми, как крепдешиновая ее косыночка, в которой она уезжала из Воронежа.

Дарина старалась не бередить душевную рану брата, пи-

сала два раза в месяц будничные письма, рассказывала о работе мужа: «ужас, пахнет от него псиной и кошками, руки изъедены карболкой, и вообще похож на своих пациентов!»; о дочерях – Таечке и Тамарочке – они уродились болезненными – в мать и учились неважно; о своих собственных победах на хозяйственном фронте: «варенья сегодня наварила вишневого и крыжовенного по шесть банок, терн и сливу замариновала, да с гвоздичкой, да с перчиком, душа радуется, на банки глядя, приезжай, Костик, побалуем тебя вкусненьким».

Костик усмехался тепло, вглядываясь в кривые строчки. Прежнюю неласковость и капризность сестры как рукой сняло. Простая заботливая женщина с отяжелевшими от бесконечных трудов руками. О Блоке и Лорке с ней, конечно, не поговоришь, но Дарина обладала двумя бесценными качествами – деликатностью, редко встречающейся в людях, и правом последней ниточки, связывавшей его с родным городом и квартироой, где сестра ревностно хранила дух родительского дома.

Поэтому он был удручен, получив последнее письмо Дарины, в котором она просила его позволения продать библиотеку отца. «Костик, прости нас, – сбивчиво писала сестра, – но денег катастрофически не хватает, Таечке нужна операция на глазах, если не сделать, может быть глаукома, Степан все кашляет, я сама мучаюсь с диабетом, тех денег, что ты нам помогаешь, спасибо тебе огромное, но они

не решают проблемы, дом давно требует ремонта, не сердись на нас, но у тебя своя жизнь, свои интересы, а книги старинные, может, кому-то будут нужны. Ты, конечно, приезжай, посмотри, может что-то захочешь оставить себе, прошу тебя, не обижайся, но, правда, очень тяжело.»

Дальше следовало полторы страницы такого же неровного извиняющегося текста. Константин закрыл глаза, представил себе отцовские книги, тяжелые, в темных с золотом переплетах. «Освобожденный Иерусалим» Тассо 1871 года издания, Сервантес с иллюстрациями Доре, Овидий, Катулл, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Симонов с дарственной надписью автора отцу, труды Эйхенбаума, Цявловского. Отец был филологом и любил свою профессию трепетно и глубоко.

«Милые друзья», – называл книги отец и любовно оглаживал корешки. Константин вспомнил, как осторожно, едва касаясь, мать стирала с них пыль, как аккуратно, стараясь не нарушить порядка, переставляла вещи на огромном письменном столе отца, затянутым темно-зеленым сукном, проверяла, остро ли очинены карандаши в черной фарфоровой вазочке, и всегда ставила на стол маленький букетик цветов. Весной это были фиалки или веточка мимозы, летом – ромашки, осенью – кленовые листья, а зимой – мелкие хризантемы-дубки. Все цветы были тонкого ненавязчивого аромата, у отца была аллергия, и груды сирени, роз, и снежно-искристых нарциссов выставлялись только на открытой террасе. Отец любил пить там чай, солнце светило ему в спину

и майка понемногу темнела от пота. Отец допивал чай, глубоко вдыхал душистый воздух и сразу же возвращался в дом. Ароматные эфиры в большом количестве были ему противопоказаны.

И вот теперь «милые друзья» должны уйти в чужие руки. А что делать? Наука, увы, давно перестала кого-то кормить. Константин вспомнил своих племянниц – тихих, бледных девочек, и подумал, что родители не пожалели бы и жизни, чтобы их внучки были бы здоровы и румяны.

Константин отправил сестре телеграмму: «В конце недели выезжаю. Жди». У него было несколько отгулов на работе, вот и пришло время ими воспользоваться.

Сестра встретила его на вокзале похудевшая и заплаканная.

– Костик, – ткнулась она ему в щеку посеревшими губами, – ты прости, Костик, ты же знаешь, я бы никогда не побеспокоила тебя, но просто уж и не знаю, что и делать. Степан все время на работе, читает только об овцах, собаках, курицах и прочей живности, мне жалко на него смотреть, он похудел, девочки из болезней не вылезают, у меня и голова кругом идет, сама еле держусь, ты прости, Костик, ты у меня один остался…

Константин не знал, как прервать эту искреннюю и слезливую речь. А что ей скажешь, бывшей капризной Даринке, женщине с красными, разбитыми домашней работой руками и теплым совестливым сердцем? Что ей сказать, чем помочь,

кроме того, чтобы пожелать спокойной старости?

– Ну, хватит, слава Богу, все живы, все будет хорошо, – он приобнял сестру. – Я тебе привез кое-что, возьми. – Константин передал сестре конверт. – Тут немного денег, прости, но лишними не будут.

Дарина отвернулась и подбородок у нее задрожал.

– Всё, всё, – улыбнулся он. – И так дождь, а ты еще сырость разводишь.

Дарина хлюпнула носом, улыбнулась слабо.

– Я суп сварила фасолевый, Костик, как ты любишь, а Тамара пирог с вишней консервированной испекла.

В доме сестры, доме родителей все было по-прежнему. Так же стояло мамино кресло с накинутым на ручку пледом, и зеленые перья хлорофитума свешивались из керамического кашпо.

Племянницы выросли, вытянулись, но были такими же бледными, с темными, словно смазанными маслом волосами и глазами-пуговицами. Они приветливо расцеловали дядю, примерили его подарок – коралловые бусы, немного посидели за столом и потом ушли в свою комнатку – бывшую, его, Константина, на балконе.

Вечером пришел Степан. Он совсем поседел, и даже ресницы казались не белыми, а серебристыми. Теперь его скорее можно было назвать бабочкой-среброкрылкой, а не белокрылкой. Руки его все были в царапинах и шрамах.

– Профессиональные шрамы! – не без гордости заметил

он. – Сколько раз меня братья наши меньшие кусали-царапали!

– Нашел чем гордиться! – добродушно ответила Дарина, водружая на стол кастрюлю с супом.

Размякший после вкусной еды и домашнего вина, Константин с нежностью смотрел на потемневшие стены кухни, с отклеившимся куском обоев, на бежевые кухонные шкафчики, еще материны.

– Как живешь, Костик? – спросила сестра, постелив ему на диване в гостиной. – Вот так и жизнь раскидала, видимся от счастья к горю, да и то не всегда. Постарели мы, хотя я вообще, а ты молодец, хорошо держишься.

Константин уверял ее, что она неправа, что хороша привлекательностью зрелой женщины и стоит ей начать хоть немного ухаживать за собой, то на нее будут оборачиваться. И она делала вид, что верила, потому что в это верить приятно. Но сам он знал, что никуда не денутся уже растрескавшаяся кожа рук и мелкие морщинки возле глаз, словно неведомая птица оставила там свои следочки, а, самое главное, никуда не исчезнет уже из глаз выражение тревоги – «все ли хорошо у вас? Не нужна ли моя помощь?». И сам знал, что птица времени нещадно окогтила и его.

Когда он проснулся на следующий день, Степана Федоровича уже не было – поехал в свою айболитову клинику, а сестра собиралась с Таей к врачу. Тамара была в школе.

– Я тебе, Костик, на кухне завтрак оставила. Каша овся-

ная, сыр, масло, хлеб, колбаса, джем абрикосовый и клубничный, чай зеленый и черный заварила, бери, что хочешь. А если будут звонить, возьми трубку, это по поводу книг, мы объявление дали, а ты там посмотри сам, отбери для себя.

Сестра говорила быстро, не глядя ему в лицо, будто боясь, что он передумает и начнет упрекать ее за решение о продаже.

Константин закрыл за ними дверь, налил себе чашку чая и пошел в бывший кабинет отца – небольшую проходную комнату, сверху донизу заставленную книжными полками.

Сестра действительно поддерживала здесь дух прошлого. Все стояло на своих местах, и даже статуэтка балерины на письменном столе отца так же изящно застыла в фуэте. Кончик ее фарфорового пуанта был отломан – это Константин случайно уронил балерину в детстве. Но воздух в библиотеке был спертым, холодным и нежилым – видно, заходили сюда нечасто.

Константин взял безошибочно томик Симонова с дарственной надписью отцу, прижизненное издание Блока, Беранже 1893 года, Сервантеса, Чехова.

Зазвонил телефон. Женский голос в трубке был уставшим и немолодым.

– Здравствуйте. Я по поводу продажи книг. Если вы не против, моя дочь Майя сейчас может подъехать посмотреть книги. Вы не подскажете адрес?

– Да, конечно. Здравствуйте. Запишите: ул. Горьковская,

7, кв. 11.

Часы пробили десять утра. В дверь позвонили. На пороге стояла невысокая худощавая женщина с теплыми ореховыми глазами.

– Здравствуйте, – протянула она холодную ладошку. – Я – Майя. Мама звонила вам по поводу книг.

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста.

Женщина сняла ветровку, и рыжеватые волосы рассыпались по плечам. Ей было на вид лет 40, но фигура была девичьей, а лицо еще сохранило выражение утонченной чистоты, которая так молодит человека.

– Я не побеспокою вас надолго, – смущенно сказала она. – Дочь учится, собирается поступать на филфак, хотелось бы, чтобы книги были у нее под рукой.

Все в ее фигуре, в характерном наклоне головы, в нервном движении, которым она все пушила прядь волос, говорило о том, что жизнь ее не баловала, и ей приходилось все время царапаться, чтобы отстоять свое право на собственное мнение, и что маленькие твердые руки ее знакомы с тяжелым физическим трудом. И все же от нее веяло беззащитностью и от этого Константину вдруг стало тепло на сердце.

– Вы выбирайте, не буду вам мешать, – сказал он. – Чаю хотите?

– Нет, что вы, спасибо, – откликнулась она.

Но он все же принес ей черного чаю с лимоном и шоколадкой.

– Угощайтесь, холодно сегодня.

Женщина посмотрела на него со смятенной благодарностью. Видно было, что она давно отвыкла от ухаживаний, и сейчас ей волнительно даже простое внимание.

Она отобрала Гомера, собрание сочинений Пушкина, Джека Лондона, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Грина.

– Как много всего! – засмеялась она. – Какое богатство, глаза разбегаются! Так и хочется взять все, но не донести.

– Где вы живете? – серьезно спросил Константин. – Я помогу довезти.

– Нет-нет, мне неловко, как можно?

– Нужно! Вы берите, что хотите, нужное уже отобрано.

– Вы знаете, – нерешительно начала она, – я бы еще взяла Диккенса и сборник французских сказок. У меня в детстве был такой же, но вечных переездах потерялся. Но…

– Не беспокойтесь. Этого хватит, – Константин мельком взглянул на небольшую пачку денег, которые она выложила на стол. – Тут хозяйка сестра, это ей. Вы подождите меня в прихожей, я мигом.

Когда женщина вышла в прихожую, Константин быстро достал бумажник и положил рядом с пачкой денег еще две купюры в сто рублей.

– Как мы это все донесем? – засомневалась Майя. – Один Диккенс в 30 томов.

– Просто, – улыбнулся он. – У вас есть сумка?

– Да, конечно! – она достала дорожную рыжую сумку.

– Прекрасно! Часть связок положим в нее, часть – понесем в руках.

– Спасибо вам. Даже не знаю, смогла ли бы приехать еще раз. Я – вдова, муж погиб десять лет назад, проходил мимо строящегося здания, и сорвавшийся с крыши камень убил его на месте. Осталась с дочкой, да еще мама старенькая, болеет. Пособие на ребенка получаю, работаю в библиотеке и подрабатываю в газетном агентстве – журналы и газеты по домам разношу. Это самое трудное – то вверх, то вниз по этажам с тяжелыми журналами, а еще людей дома не бывает или не платят вовремя, а издания дорогие, вся издергаешься, пока в срок представишь и журналы, и деньги.

Она говорила без умолку, и Константин ловил себя на мысли, что ее речь не тяготит его как сестрина, и что она смешно и мило приподымает верхнюю губу при разговоре, и лицо ее в профиль приобретает «необщее выраженье». Константин подумал, как же верны бывают иногда старинные определения – именно «необщим выраженьем» отличалось ее лицо и нежность все теплилась и крепла в его душе, и уже казалось, что не серый ноябрь, а заблудившийся апрель шел рядом с ними по мокрым улицам, овевал невнятным ветерком и снова улетал.

– Вот и моя остановка, – улыбнулась Майя. – Спасибо вам. Без вас я бы никак не справилась.

– Давайте я вас провожу до дома, если позволите.

Она взглянула на него и кивнула молча.

Дверь открыла маленькая седая старушка с коротко стрижеными волосами.

– Майя! Ты хотя бы предупредила, что не одна.

– Не беспокойтесь, ради Бога, я просто помог довезти книги.

– Нет, проходите, пожалуйста, хоть чаю попейте.

– Спасибо. Как-нибудь в следующий раз!

И, перехватив в зеркале взгляд ореховых глаз, понял, что хочет, чтобы «следующий раз» случился.

– Я вспомнил, у меня еще есть собрание сочинений Баратынского в двух томах. Вы не видели его. Издание 1914 года. Если интересуетесь, то я бы мог завезти его вам завтра. До конца недели я здесь. Вы только дайте свой телефон, если можно, я завезу, когда вы будете дома.

Майя улыбнулась, и ему показалось, что эта улыбка расцвела внутри него.

– Я очень люблю Баратынского, была бы несказанно рада, но я не знаю, как вас и благодарить, так неудобно. Вот телефон, – она протянула ему клочок бумаги.

***

– Ты какой-то сам не свой, Костик, – сказала ему вечером сестра. – Что случилось? Болит что-нибудь? Устал? Много звонков было?

Август 2015 г. Краснодар

Карина Муляр

Карина Муляр (Масюта). Выпускница Академии Искусств в городе Кишинёве, Выпускница Академии Бецалель в городе Иерусалиме. Член союза свободных художников Израиля. Член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Человек, который учил летать

После окончания юрфака Зойка, а теперь Зоя Михайловна, попала следователем в свой же маленький городок. Планов было громадье. Вот она, Скрипченко Зоя Михайловна, в течение пяти лет сводит на нет преступность городка. А может и всей области. О ней пишут газеты, у нее берут интервью. Она скромно и односложно отвечает, что мечтала о спокойствии городка всю свою сознательную жизнь. С тех пор, как ее отца убили по пьяной драке. Поэтому и пошла в университет на юридический. Зоя Михайловна становится известным следователем. Ее, наконец, приглашают на работу в Москву и просят, именно просят принять должность. Она отвечает, что должна подумать, так как ее очень любят и ценят в городе. Такие мысли приходили в голову Зое Михайловне обычно одинокими вечерами, когда после работы она возвращалась в свою однокомнатную квартирку, расположенную на окраине городка. И преступность не упала, а даже наоборот. И известным следователем я не стала. Мне уже почти сорок лет, а замуж так никто и не взял. Зоя Михайловна подошла к зеркалу, погрозила своему располневшему изображению, и махнув рукой села пить чай с плюшками, которые обожала с детства. Ее зимнее одиночество нарушил внезапный поздний телефонный звонок. Вечером Зое Михайловне обычно никто не звонил. Иногда она гипнотизиро-

вала трубку телефона, мысленно выпрашивая хотя бы один звонок. Телефон тупо молчал. А тут вдруг: Хотели звонок? – Получите. Зоя Михайловна, от неожиданности подскочила, как ошпаренная и бросилась к телефону. «Але» – небрежно произнесла она. В трубке повозились, раздался смешок и знакомый голос ее однокурсника Генки Тихого произнес:

– Что але, але? Все сидишь в своей дыре? Небось, уже располнела так, что в двери не влазишь?

– Генка! Это ты? – от радости крикнула Зоя Михайловна.

– Да. Это я. Так. Слушай и не перебивай. Я проездом в твоей дыре. Встречаемся через час в вашем мерзком кафе. Все поняла?

– Генка! Я так сразу не могу. И потом уже поздно. Посмотри, какая метель на улице. Я что убила кого-то?

– Слышишь ты, Нудятина. Быстро оделась и через час в кафе. У меня мало времени.

В трубке засмеялись знакомым характерным смехом, который автоматически заставлял улыбаться, причем несмотря на настроение. Затем послышались короткие гудки. Зоя Михайловна ясно вспомнила свои студенческие годы. Красавца Генку Тихого, от которого было так шумно и громко, что казалось все начинало смеяться и двигаться только от того, что он появлялся в аудитории. Преподавателей он сводил с ума своим обаянием. Оценки на экзаменах мог получать только за свою неповторимую улыбку. Несмотря ни на что Генка учился, как одержимый. Закончил с красным дипломом

и остался в Москве. Обо всем этом думала сейчас Зоя Михайловна, пытаясь подобрать наряд, в котором будет меньше заметна ее страсть к плюшкам. Заказав на дом такси, Зоя Михайловна добралась до единственного в городе кафе. Там за столиком ее уже ждал Генка Тихий. Увидев красивого, респектабельного мужчину, Зоя несколько опешила. Но он тут же подскочил к ней, поцеловал и усадил за стол. «Генка всегда был джентльменом», – мелькнуло у Зои Михайловны. Несколько минут поболтав ни о чем. Генка приступил к делу.

– Зойка, слушай! Я получил назначение. Теперь подбираю своих людей. Прикинь. Москва. Отдел расследования убийств. Ну как? Звучит? И ты – Скрипченко Зоя Михайловна, погрязшая в разборках семейных скандалов этого городка, получаешь должность в этом отделе. Ну как? Времени на размышление не даю. Собрала свои манатки и через две недели получишь первый «висячок», – Генка радостно засмеялся, заставив своей улыбкой улыбнуться и Зою Михайловну.

Она, наконец, смогла закрыть, открывшийся от неожиданности предложения рот. Ничего вразумительного в голову не лезло, поэтому Зоя Михайловна налегала уже на третье пирожное с кремом.

– Зойка. Ты смотри не забудь, что кафе закрывается через двадцать минут. Если что, ты сможешь съесть еще только пару пирожных – улыбнулся Генка, оставил адрес, куда Зоя должна была позвонить, когда окажется в Москве. Он встал,

поцеловал жующую Зою Михайловну, попрощался и быстро пошел на выход. Заказав еще три пирожных, Зоя лихорадочно обдумывала предложение. Это был шанс. Только очень неожиданный и такой же искрометный, как сам Генка. Голова подсказывала: «Надо решаться. Сороковник на носу, а все еще в девках. Позорище». Поразмыслив еще немного, Зоя Михайловна снова вызвала такси и отправилась домой. Ночью ей снова снились ее несбывшиеся мечты об удачной карьере и хорошем муже. Наутро Зоя Михайловна обратилась в отдел кадров с просьбой об увольнении в связи с семейными обстоятельствами. Ей устроили пышные проводы. Как и договаривались с Генкой, через две недели он встретил ее прямо на вокзале и отвез в заранее приготовленную для нее квартиру, недалеко от центра Москвы. «Похоже, что хоть и поздно, но мечты начинают осуществляться», – по дороге думала Зоя Михайловна.

Генка вручил ей ключи от уютной двухкомнатной квартиры и сказал, чтобы она обустраивалась. Эта квартира временная, а через год он будет хлопотать о том, чтобы ей выделили отдельную квартиру. Оставшись одна, от счастья Зоя начала прыгать. Она перестала прыгать только тогда, когда услышала какой-то шум. Оглядевшись, она ничего не увидела. Но когда присела на стул, то тут же сообразила, что от ее веса вместе с ней прыгали и стол и стулья. «Черт возьми!» – подумала Зоя Михайловна, – «Теперь точно буду худеть. Столица все-таки»

Наутро Генка заскочил за Зоей Михайловной, и они поехали знакомиться с новой ее работой и коллективом. К удивлению Зои Михайловны, коллектив ее сразу принял. А Генка, тут же собрав всех на летучку, представил Зою Михайловну и торжественно попросил пожилого следователя Никитича вручить ей «висячок» для начала. Никитич, ехидно улыбаясь, сказал:

– Ну, все. Попалась девка. Висяк у нас уже четыре года и никаких следов. Ну, для начала возьми. Поиграйся. Кто знает. Может у тебя что-то прояснится.

Зоя взяла огромную пыльную папку, заботливо обтерла ее тряпкой и пошла на свое рабочее место. Потекли обычные рабочие будни. Отношения в отделе были прекрасными. Генка был чудесным организатором. Позже Зоя узнала, что на его счету было раскрыто множество тяжелейших убийств, а вел он себя просто и доступно. Постепенно Зоя Михайловна входила в курс дела, осваивалась со столичной жизнью. У нее появилась подруга, жившая с ней на одной лестничной клетке. Тоже дама лет сорока, разведенная, работающая в косметическом салоне. Элина первая и взялась за Зойкину внешность. Массажи, тренажерный зал, походы по модным магазинам. Зойка ходила с постоянной счастливой улыбкой на лице. Ей виделось, как она сможет раскрыть этот ненавистный «висячок» в котором и зацепиться было не за что. А дело было так. Какой-то неизвестный, или какие-то, а может просто это были суициды, которые периодически повто-

рялись. Общего было только то, что все жертвы или самоубийцы кидались или с моста или с высотного дома. Больше зацепиться было не за что. Ни возраст, ни пол, ничего. Каждый раз разные, непохожие друг на друга люди. Мужчины, женщины, молодые, пожилые, одинокие и семейные. «Ну и подкинули мне задачку» – в сердцах думала Зоя Михайловна. Интересно, а Шерлок Холмс смог бы раскрыть такое? Но жизнь текла своим чередом. Быстрого раскрытия «висячка» от Зои никто не требовал, но она включилась на полную катушку. Изучала каждый случай в отдельности, разыскивала свидетелей, ходила на места происшествий. Элина – ее новая подруга говорила:

– Зоя! Сначала твоя внешность, потом расследования. Пойми. Здесь Москва – твой последний шанс устроить свою жизнь, а ты все работа и работа.

И Зоя понемногу сдавалась. Она начала следить за собой, красиво одеваться, даже легко подкрашивала свои пухлые губы. Все это не осталось незамеченным. И однажды Зоя обнаружила, что Генка стоит и пристально смотрит на нее, но не как начальник, а просто, как мужчина. О! Этот взгляд может распознать любая женщина. Зоя Михайловна раскраснелась от удовольствия, а Генка подошел к ней и сказал:

– Нудятина! Приглашаю тебя вечером в ресторан. Что-то ты слишком похорошела. Негоже, чтобы такая красота и прошла мимо меня.

Генка был женат, но неудачно. Жена через месяц уехала

с его другом в Германию, так ничего и не объяснив. С тех пор Генка в серьезные связи старался не вступать. Вечером, заехав за Зоей и увидев ее, нарядно одетую, похудевшую килограмм на двадцать, стройную, Генка вдруг растерялся. Он понял, что начинает влюбляться и легкого, ранее предусматриеваемого флирта может не получиться. Зоя светилась от счастья. Жизнь постепенно налаживалась в полном соответствии с ее мечтами. Только на работе она уставала все больше и больше, а дело не продвигалось ни на шаг. Подружка по лестничной клетке Элина, увидев, что Зоя очень устает, сказала: «И тебе и мне нужен курс по расслаблению от стрессов. Надо узнать, кто ведет такие курсы». Подружки сели возле компьютера и начали смотреть всевозможные рекламы групп, в которых занимались снятием стресса. Записав несколько адресов, они пошли смотреть, как проходят занятия. Зоя не очень верила во все виды альтернативной медицины, да еще и в групповых занятиях, но Элина настояла. После долгих поисков подруги записались в группу «Лечение стресса». Группу набирал известный психиатр Новиков Арнольд Виленович. Первое занятие было посвящено выяснению, что такое стресс. Голос психиарта мягко рассказывал о природе стресса и способах его лечения. Группа была очень разновозрастной, но слушали затаив дыхание. Арнольд Виленович тихо вещал:

– Что такое стресс? Каждый человек испытывал его, все говорят о нем, но почти никто не берет на себя труд вы-

яснить, что же такое стресс. Стресс есть неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование. С точки зрения стрессовой реакции не имеет значение, приятна или неприятна ситуация, с которой мы столкнулись. Имеет значение лишь интенсивность потребности в перестройке или адаптации. Коротко перечислим факторы, которые могут привести к стрессу: утомление, боль, страх, ответственная сосредоточенность, унижение публичного поражения, потеря крова, неожиданный огромный успех, конфликты, ведущие к ломке всего жизненного уклада и. т. д.

Зоя и Элина были в восторге от услышанного. Это была абсолютнейшая правда. А Арнольд Виленович продолжал:

– Стресс, который вызывает болезненные изменения в организме, называется «дистресс». Каковы его проявления? Встречается много людей, у которых инфаркт миокарда, гипертонический кризис, церебральный инсульт, бронхиальная астма, язвенная болезнь и другие заболевания возникали после стресса или на его фоне. Нередко они сами говорят, что «у меня все случилось на нервной почве», «это нервное», «все от стресса».

Все это было близким и понятным. Было решено раз в неделю посещать занятия. Через короткое время, после начала занятий Зоя, действительно начала чувствовать себя лучше. Увеличилась работоспособность. Не так угнетало, что вверенное ей дело пока не сдвигалось с места. Это было только пока. Отношения с Генкой продвигались впе-

ред, обещая хорошее продолжение. Генка уже завуалированно начинал поговаривать о том что, не мешало бы и пожениться. Зоя была счастлива. В один из вечеров возвращаясь с работы, она увидела возле своего дома «Скорую помощь», службы спасения и полицию. Бросившись к центру происшедшего, она предъявила свое удостоверение и была пропущена за огражденную лентой территорию. Там, в страшном виде лежала неузнаваемо искалеченная ее подруга Элина. Говорили, что она сбросилась с крыши дома рано утром. Больше никто ничего не знал. На следующий день Зоя впервые не смогла пойти на занятия к психиатру. Через неделю она, собравшись с духом, все-таки решила продолжить занятия. Голос Арнольда Виленовича завораживал и успокаивал: «В большинстве случаев острой реакции на стресс необходимо применять методы так называемой „психотерапевтической реанимации“. Наиболее важным при применении психотерапии есть предоставление пациенту возможности говорить о случившихся стрессовых ситуациях. В тяжелых случаях дополнительно применяют небольшие дозы успокаивающих препаратов. При лечении адаптационных реакций необходим краткосрочный курс психотерапии, которая поможет пациенту воспринять новую ситуацию и адаптироваться к ней».

«Все верно» – думала Зоя Михайловна, – «нужно взять себя в руки».

После занятия Арнольд Виленович подошел к Зое и спро-

сил, где ее подруга. Расплакавшись, Зоя все рассказала. Арнольд Виленович был очень озадачен. Он тщетно пытался успокоить Зою. Потом предложил проводить ее домой. Зоя согласилась. Доведя ее до подъезда, он старомодно поклонился и пошел в другую сторону. На работе все шло своим чередом. «Висячок» давил на психику. Зоя деликатно попросила у Генки дать ей что-то другое, но Генка вдруг заупрямился и сказал:

– Нудятинка! Пробуй еще, пожалуйста. Я так тебя люблю.

И сдавшись, Зойка опять сидела ночами и пыталась сопоставить все факты или преступлений или самоубийств. Так ни до чего и не додумавшись она решила посоветоваться с Арнольдом Виленовичем. Он с радостью согласился помочь. После занятий Зоя сказала Генке, что идет домой к психиатру, может он путем своих умозаключений в чем-то поможет. Генка согласился, но по профессиональной привычке потребовал адрес Арнольда Виленовича. Психиатр жил один в роскошном доме с прекрасным видом на Красную площадь. В квартире было богато и со вкусом обставлено. «Ну столько, сколько он зарабатывает, ничего удивительного», – подумала Зоя. Предложив по чашечке кофе с коньяком, Арнольд Виленович, сел в кресло и приготовился слушать подробности не раскрываемого дела. Зоя начала рассказывать, показывать снимки, высказывать предположения. Арнольд Виленович слушал очень серьезно. Иногда вставляя несколько слов по делу. Потом сказал:

– Давайте немного отдохнем. Потом продолжим.

Зоя согласилась. Арнольд Виленович вышел на кухню, до Зои донесся странный разговор. Ей показалось, что Арнольд Виленович говорит сам с собой: «Хватит давать мне указания, что мне делать. Я способен решить все сам. Прекратите. Не хочу больше слушать ваши голоса».

Арнольд Виленович вернулся в комнату несколько побледневшим. Взяв за руку Зою он провел ее на балкон. Потом не глядя на нее сказал:

– Достаточно просто раскинуть руки и ты полетишь, как птица. Мы сейчас поднимемся на крышу, только не моего дома, а другого и ты все сможешь проделать сама. Хочешь?

Обмякшая Зоя согласилась. Они вышли из подъезда, и пошли в неизвестном направлении. Зоя была, как во сне. Они шли очень долго по каким-то темным закоулкам. Наконец Арнольд Виленович остановился и сказал:

– Здесь.

Они начали подниматься по этажам вверх, потом через чердак вылезли на крышу.

– Смотри. Какая красота! Ты ведь хочешь научиться летать? Правда?

Зоя согласно кивнула.

– Ты должна просто раскинуть руки и лететь. Попробуй!

Зоя, подойдя к концу крыши, распростерла руки, и вдруг кто-то ее ударил так, что она отлетела на несколько метров и упала на середину крыши. Генка, неожиданно оказавший-

ся рядом, схватил Арнольда Виленовича и быстрым движением надел на него наручники. Подойдя к Зое, он спросил:

– Нудятинка! Ты в порядке?

И улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. Плачущая Зоя прижалась к Генке, точно так же, как в детстве пряталась от страха, растворяясь в объятиях своего отца.

P.S.

Арнольда Виленовича признали больным шизофренией. Он находится на излечении в психиатрической больнице. Зоя Михайловна получила грамоту, денежную премию и повышение в звании за раскрытие серии сложных преступлений. Однажды она все-таки решила проведать Арнольда Виленовича. Приехав в больницу, она увидела, как он сидел в больничном скверике на скамейке и что-то тихо бормотал. Увидев Зою, сначала сделал попытку встать и уйти, потом все-таки сел. Было видно – он ее узнал. На её вопрос:

– Зачем же вы все-таки это делали?

Арнольд Виленович ответил улыбаясь каким-то своим мыслям сумасшедшего:

– Я просто учил их летать…

Увидев деньги, она сморщилась, будто собираясь заплакать, и стала на мгновение похожа на прежнюю Даринку.

– Костенька! Братик мой! У тебя легкая рука! С первого раза уже приличная сумма. Что взяли? Клиент приличный? А ты себе отобрал книги? Костенька, я не хочу, чтобы у тебя на сердце осталась какая-то обида. Возьми, все,

что считаешь нужным. Ой, да, если так пойдет, то нужная сумма быстро соберется. Как жаль, что ты скоро уезжаешь! А остаться подольше никак нельзя? Все же это безобразие, Костик, что мы так нечасто видимся! Вот погоди, сделаем Тае операцию и летом приедем к тебе. Нет, летом не получится, летом по хозяйству дел много, весной, весной непременно к тебе нагрянем, всколыхнем твою холостяцкую квартиру! Костенька, иди кушать, я уже все на стол собрала…

Константин вышел на балкон. Небо было аспидно-черным, без единой звезды, на город надвигалась зима, и он знал, что она будет мглистая и холодная, и знал, что придет весна, а за нею и лето, и мягкие сумерки его будут запутываться в зацветающих липах. И, может быть, в маленькой воронежской квартире с видом на реку будет ждать его женщина с теплыми ореховыми глазами и летящим именем – Майя.

МИРАЖ

Осталось еще немного и будет возможность отдохнуть и попить.

Я уже вижу источник. Как красиво переливается вода, играя со светом.

Во что они играют. В светлячков?

Чего это я вдруг про мираж?

Так. Вспомнилось. А чем отличается мираж от этой дуры Фаты Морганы, которая сидит на морском дне и обманывает путешественников призрачными видениями.

Буду сейчас вспоминать, как там по-научному.

Мираж – оптическое явление в атмосфере: отражение света границей между резко различными по плотности слоями воздуха. Для наблюдателя такое отражение заключается в том, что вместе с отдалённым объектом видно его мнимое изображение.

Ну и память.

Читал об этом почти год назад и помню все дословно.

Только что-то меня все время тревожит. Как будто я — это не я. Неужели раздвоение личности?

Ни черта себе. Главное, чтобы на работе никто не заметил.

Почему я работаю медбратом в доме престарелых? Как мы с женой вообще попали в Германию?

Здесь все чистенько, равнодушненько: ««bitte sehr, danke sehr"*.

Сдохнуть можно, а они тебе с улыбкой вежливо покажут, где кладбище.

Почему в моем имени две буквы"Н», а не три?

Геннадий. Не люблю свое имя. Не люблю жену. Когда я ее разлюбил?

Не помню. Почему у нас нет детей?

Я стесняюсь ее спросить. Я не помню.

Люблю работать вечером или в ночь.

Когда все засыпают можно спокойно сесть в ординаторской и думать.

Думать обо всем.

Недавно пришел к интересному выводу: В молодости людям кажется, что они могут изменить мир. В среднем возрасте понимаешь, что не получится, а к старости опять кажется, что все можешь.

Вот и опять затихают голоса. Люди, готовые к реинкарнации идут спать.

С какого перепуга я взял, что они готовы к реинкарнации?

Да они просто уже забыли, кто они.

Уже произошла встреча со старческим маразмом.

Им все нипочем.

Каждый живет в своем известным только ему мире.

Они все похожи друг на друга.

Не узнают близких, тянут салфетки друг у друга, плачут,

как дети.

Да готовы они, готовы.

После реинкарнации человек ведь не помнит, когда он жил и кем был.

А кто точно доказал, что реинкарнация —это что-то реальное? Это ведь только предположение. Теория так сказать.

От этих мыслей Геннадия отвлекло пение Полечки.

Это была старушка, примерно девяноста лет, которая каждый день пела своё личное поппури на известные старые песни.

Звучало поппури примерно так:

«Ой цветет калина в поле у ручья,

Золотятся фиалки, в парке Чаир

солнце с морем прощалось»

Полечка не понимала, что она старушка и видя себя в зеркале каждый раз спрашивала нянечку одно и тоже:

– « Ой, мамочки! Ой! Кто это?»

Ей казалось, что она все еще маленькая девочка,

нянечка ежедневно начинала свой обычный текст.

В зеркале Полечка, только уже взрослая и старенькая.

Несчастная старушка начинала так горько плакать, что сердце разрывалось от жалости и бессилия, что —либо изменить.

Геннадий чувствовал, что с ним стало что-то не так после тяжелой аварии, случившийся два года назад.

Только что именно?

Иногда ему казалось, что Ксения не его жена и он втихаря присматривался к этой чужой ему женщине.

Пытаясь понять, как он мог на ней жениться. Ксения была похожа на хищную птицу и своей хваткой и взглядами на жизнь иногда приводила Геннадия в замешательство.

Наверно я очень изменился после аварии.

Я долгое время был в коме. Мне кажется, что я не знаю, вернее не помню кто я.

Хороший дом престарелых.

Почти весь персонал из русских. Да и постояльцы тоже почти все свои.

Удачно же я устроился, однако.

Мысли продолжали будоражить мозг Геннадия и однажды он решился обратиться к знакомому врачу-психиатру.

Предварительно поговорив с женой, Геннадий на все вопросы получил странные ответы:

– « Да какая тебе разница, что было с тобой до аварии?

Хорошо, что жив остался.

Чтобы вылечить тебя и поставить на ноги мы сюда в Германию и приехали.

Потом решили остаться. Ну почему ты ничего не помнишь?»

На вопрос, где он работал до приезда в Германию, Ксения внезапно разозлившись сказала:

– « Какое теперь имеет значение где? Сколько ты меня

будешь мучать этими вопросами?»

От возмущения она даже заплакала.

Геннадий с любопытством обнаружил, что в профиль его жена похожа на овцу, а когда начинает плакать, вдруг становиться похожа на злобного нахохлившегося филина.

Замолчав он твердо решил все-таки пойти к психиатру.

Геннадию не терпелось узнать: есть ли возможность каким-то образом восстановить память после амнезии, которая у него видимо имелась в наличии.

Постоянные дежурства все время откладывали разговор с психиатром.

Однажды придя домой Геннадий услышал, как Ксения нервно кому-то кричала по мобильному:

– « Сколько еще времени мне нужно будет тащить на себе этого ублюдка?

Сколько?

Ты мне обещал, что когда мы приедем в Германию и оформим все документы, ты его уберешь.

Когда ты наконец это сделаешь?»

Увидя вошедшего мужа, Ксения резко сменила тон и нежно сказала трубке:-«Хорошо, дорогая я поняла.

Нужно в кипящую воду сначала бросить мелко нарезанные овощи.

Пока. целую. Tsch; ss. (чюс)»

Нисколько не смутившись Ксения подошла к мужу, и поцеловав его в щеку спросила:– «Ты очень устал? Есть бу-

дешь?»

Геннадий отрицательно покачал головой и почувствовал, что она, его голова, начала раскалываться на какие-то мелкие осколки.

Эти осколки резали его мозг и все внутри.

Сморщившись от боли Геннадий сказал:

– " Я кое-что забыл на работе.

Я сейчас.»

Выбежав на улицу, он твердо решил пойти к врачу.

Вместо этого ноги Геннадия как-будто сами направили его в сторону «Дома престарелых», где он работал.

Благо, что"Дом» находился на соседней улице и необходимости в машине не было.

Зайдя в ординаторскую Геннадий почувствовал, что теряет сознание.

Медсестра Нина быстро принесла ему воды.

И снова пред глазами Геннадия возник его дежурный мираж.

«Да что же это за чертовщина» -думал он.

«Почему мираж?»

Внезапно в голове, как будто что-то прояснилось.

Осколки перестали его резать и Геннадий отчетливо вспомнил, что никакой он не Геннадий.

Его зовут Денис.

Он врач. У него жена Нина и дочь Поленька.

И вообще они любят друг друга и все у них хорошо.

Дома всегда уютно и весело.

У него в Германии живет тетя Клава, которая уехала много лет назад и вышла замуж за престарелого миллионера.

Тот умер, завещав все тете Клаве, а она не имея никого, кроме Дениса через какое-то время оформляет на него наследство и умирает просто от старости.

Денису нужен хороший адвокат. Ему советуют Геннадия Буйкова.

Потом эта ужасная авария в которой погибает и жена и дочь.

Он, Денис, впадает в кому очнувшись уже в Германии…

Стоп.

Значит адвокат специально устроил аварию и подменил документы сделав себя Денисом Рублевым, а его Геннадием Буйковым?…

Теперь понятно почему ему, Денису, так неприятна Ксения.

Ведь она никакая ему ни жена.

Она- подруга этого адвоката.

Как я мог это все забыть?

У меня в машине отказали тормоза. Когда я пытался в сотый раз спросить Ксению, почему произошла авария, она всегда с како-то издевкой говорила:

– « У тебя возникла проблема с тормозами. Они отказали.»

При этом ее лицо, как —то хищно улыбалось, а может

просто скалилось?.

Вспомнив все это, Денис заметил, что медсестра все еще стоит перед ним со стаканом воды. Она жалобно продолжала просить его выпить воды.

Денис услышал ее голос.

Он медленно встал со стула, попросил медсестру поставить стакан на место и пошел в комнату, из которой слышалось пение старушки Полечки.

Закончив петь Полечка, как всегда попросила зеркало.

Нянечка подвезла ее инвалидное кресло к большому зеркалу висевшему в коридоре.

Денис отчетливо услышал, как Полечка глядя в зеркало испуганно запричитала:

– « Ой! Мамочки!

Ой! Кто это?»…

«bitte sehr, danke sehr» -спасибо, пожалуйста (нем)

29марта 2014 год

Масюта

Юрмет Нагиев

Белое Облачко и Чёрная Тучка

В уютной сакле[1] у окна сидела девочка лет пяти. Рядом на подоконнике удобно расположилась упитанная кошка и, нежась в лучах солнца, мурлыкала, глядя на маленькую хозяйку. Внезапный порыв ветра ударил каплями дождя по оконному стеклу. Начавшийся дождь частой дробью забарабанил по железной крыше. Небо прорезала молния. Раздались раскаты грома. Девочка испугалась и подбежала к бабушке – она сидела на диване и вязала чувеки[2] из шерстяных разноцветных ниток. Вслед за девочкой с подоконника спрыгнула кошка и прижалась к ногам старшей хозяйки. Бабушка улыбнулась кошке, а внучку погладила по голове и сказала:

– Не бойтесь, мои хорошие…

– А расскажи сказку, – девочка взобралась на диван, улеглась поудобней, положив голову на мягкие бабушкины колени.

– С удовольствием, – бабушка отложила спицы. – Эту историю мне рассказала моя бабушка, а ей – её бабушка. Так, передаваемые друг другу, и сохранились сказки, прит-

---

[1] Сакля (сак! вал, сак! (в) але, лезг. яз.) – жилище кавказских горцев, сооружённое из камня или из саманного кирпича. (русск. яз.)

[2] Чувеки (чуьвекар, лезг. яз.) – вязаные носки с красивым орнаментом из шерстяных разноцветных ниток. (русск. яз.)

чи, песни и обычаи нашего народа. Слушай.

Было это давным-давно. Как-то поссорились Белое Облачко и Чёрная Тучка. Долго выясняли, кто из них сильней и красивей. Из-за их ссоры разразилась гроза, и от молнии загорелся стог сена на пригорке. Увидел это Братец Ветерок, растревожился. Захотел затушить огонь, стал на него дуть, но язычки пламени, наоборот, ещё быстрей побежали по полю. Братец Ветерок был ещё маленьким, испугался, к тому же быстро выдохся и улетел к ореховой роще, спрятался в кронах вековых деревьев. Испугалось резвого огня и Белое Облачко, стало звать на помощь. А Чёрная Тучка победно рассмеялась, и сильней загремел гром. Проснулась Мама Большое Облако, мирно дремавшая на горе, увидела, как сверкают молнии, как по полю бегут языки пламени, рассердилась, пристыдила спорщиков. Белое Облачко от стыда притихло, а Чёрная Тучка вдруг так разрыдалась, что от её слёз пошёл холодный дождь – он и потушил пламя. Когда вокруг всё успокоилось, из-за горы выглянуло солнышко. Белое Облачко растянулось в счастливой улыбке, а Чёрная тучка, пролившись дождём, стала светлей. Тогда Мама Большое Белое Облако обняла своих непослушных деток, прижав Чёрную Тучку к одному боку, а Белое Облачко к другому, и поплыли они над бескрайними полями, радуясь, что всё благополучно закончилось…

Увидев, что внучка задремала, бабушка умолкла. Осторожно отодвинулась и заботливо укрыла девочку пледом,

но та сквозь сон неожиданно спросила:

– А они когда-нибудь помирятся?

– Конечно.

– А как это узнать?!

– Ну, если ты не спишь, посмотри-ка сюда сама, – бабушка подошла к окну, распахнула штору. Девочка подняла голову и увидела: дождь прекратился, а полнеба опоясала разноцветная радуга.

– Ах, – удивилась девочка, – какая красивая радуга!

– Она и есть – мостик дружбы между Белым Облачком и Черной Тучкой. Поняла?!

Бабушка вернулась к дивану, взяла спицы, и они опять тихонько застучали в её ловких пальцах: петелька за петелькой продолжилась бабушкина работа. Впереди была зима, а в горах она особенно суровая, и бабушка торопилась связать чувеки для всех своих внуков и внучек, а их у неё много.

Маленькая девочка вновь устроилась у окна: встала коленками на мягкий стул, облокотилась о подоконник, обхватив ладошками пухлые щёчки. Радуга скрылась в пушистых облаках, а облака, зацепившись за седые горные вершины, отдыхали, словно путники, перед дальней дорогой.

Кошка тоже вернулась на прежнее место, улеглась поудобней. Лучи вечернего солнца коснулись её мягкой шёрстки, и шёрстка заиграла весёлыми рыжими огоньками. Кошка замурлыкала, глядя на маленькую хозяйку, как будто говоря: «Др-ррружба – это хор-ррошо… мур-рр».

– Да, я поняла, – то ли бабушке, то ли кошке прошептала девочка.

Болт

В Елабуге ремонтировали дорогу. Вышла из строя «фреза»[3]. Вылетел болт. Срочно послали механика к токарю на базу, что находилась в соседних Набережных Челнах, за другим болтом. Но у токаря – срочный заказ. Надо чуток подождать. Чтобы не тратить время зря, механик пошёл по своим делам. А дел у него, как обычно бывает у деловых людей, много! Только к концу смены он вспомнил про болт. Примчался к токарю, а тот уже ушёл. Незадачливый механик, недолго думая, схватил из свалки запчастей, покоящихся в ящике, первый попавшийся подходящий болт.

На попутном автобусе быстро доехал до места. «Фреза» сиротливо стояла на обочине, а бригада занимала себя в строительном вагончике, как могла.

Обрадовавшись приезду долгожданного механика, рабочие дружно вывалили на дорогу:

– Уж теперь-то дело пойдёт!

– Эх, в ночную придётся…

– Зато отдохнём от безделья!

– Что так долго?! – начальник участка строго глянул на механика. – Привёз?

– Аг-га! – заикаясь, ответил тот и кивнул.

---

[3] Фреза – автомобильная дорожная машина, для фрезерования (снятия) старого асфальтного покрытия при капитальном ремонте дорог.

– Чего «га-га»? Давай!..

Механик начал шарить по карманам.

– Ну! – начальник нетерпеливо протянул руку.

– Вот невезуха-то…, – растерянно пробубнил механик, – зараза… выпал, наверно, в автобусе.

– Что?!

Пока начальник искал нужные слова, рядом с переминающимися с ноги на ногу рабочими, резко затормозила легковушка. Вышел главный инженер:

– Здорово, ребята! Не это ли ищете? – он протянул механику свёрток.

Механик развернул «посылку» и потерял дар речи: на его ладони заблестел новый, недавно выточенный, ещё будто тёплый, болт.

Тут подъехал и «попутный» автобус. Высунулся из окна шофёр:

– Дружище, ты потерял? – он протянул механику большой ржавый болт. – Я подумал, ценная пропажа… Вы уж, ребятки, не подкачайте, сделайте нам крепкие дороги. Удачи!

Автобус уехал. Механик стоял, как вкопанный. Его бил озноб, хотя и под вечер не спадала летняя жара. Бригада взорвалась дружным хохотом.

На другой же день механик написал заявление «по собственному…».

Юная художница

– Деда, а деда! – дёргает старика за рукав внучка, маленькая девочка лет шести, которая занимается в художественной школе.

– Что, моё золотце?! – спрашивает дедушка, отрываясь от газеты.

– Вот! Это тебе подарок от меня!

– Ну-ка, что ты там нарисовала на этот раз? – дед внимательно вглядывается в рисунки ребёнка, подходит к зеркалу, смотрит на своё отражение.

– По – хо – ож! – хвалит девочку. – Молодец, внученька! – тяжело опираясь на трость, возвращается к креслу. – У меня вопрос. А в честь какого праздника ты меня нарисовала? Да ещё и в солдатской пилотке? – спрашивает дед, украдкой вытирая слезинку. В глазах его было столько нежности и доброты, что их хватило бы на весь мир.

– Нам в школе рассказывали о войне. Я решила нарисовать тебя. – Немного помолчав, она с грустью проговорила. – Тебе, кажется, мои рисунки не понравились…

– Это почему же? С чего это вдруг такие грустные выводы, мое золотце?! – спросил с тревогой в голосе дедушка.

– А тогда почему ты заплакал?! – от ребенка невозможно было что-либо скрыть.

– Так это соринка попала в глаз, – успокоил дед внучку, –

посмотри, не осталось там чего? Подуй, пожалуйста!

Внучка изо всех сил подула сначала в один, а потом и во второй глаз.

– Ну как, деда, легче стало? – спросила малышка тоном врача.

– Да, доктор, заметно полегчало. Спасибо! – ответил дед, поглаживая внучкины золотые кудряшки. Заметив, как заискрились её глаза, спросил: «Итак, на чем мы остановились?»

– Этот рисунок я отнесу в школу, а этот 9-го мая, в День Победы, я подарю тебе, вместе с цветами! – радостно ответила внучка. Потом, задумавшись о чем то, тихо спросила: «Дедушка, а дедушка! А какой из них тебе больше нравится?»

Дед вновь посмотрел на рисунки. Действительно, оба были хороши, как его копии.

– Мо-ло-дец! – вновь похвалил он внучку, по привычке с удовольствием растягивая слово. – Только у меня возникли вопросы. Можно я их тебе задам?

– Да, конечно, можно! – серьезно ответила внучка, внутренне готовясь к критике деда. Она-то хорошо знала, что дед еще тот критик!

– На этом рисунке я вроде как в белоснежной рубашке и добрый, – дед положил на стол первый рисунок и развернул второй. – А здесь вся моя грудь в черно – белых полосках, как зебра. К тому же, на этом рисунке я какой-то нахмурившийся вышел, сердитый…

– Дедушка, ну как бы тебе это объяснить! – внучка смешно сморщила лоб. – Ты же воевал?

– Да, воевал! – кивнул дед.

– А ты победил бы фашистов, если бы был там – на войне, таким добрым, а не злым?! – спросила внучка. И, не дожидаясь ответа, добавила: «Вот откуда черно – белые полосы. Это же твоя тельняшка! Логично?!»

– Да, да, логично! – проворчал дед, привставая с кресла, тяжело опираясь на трость. Затем он нахмурился, сморщил лоб, зацокал вставными протезами. – Ну как?! Я злой?!

Внучка рассмеялась:

– Нет! Нет! Ты такой смешной, деда! Смотри, как надо делать! – она нахмурилась, смешно сдвинула брови, сморщила лоб, при этом, крепко, сжав маленькие, детские кулачки.

– Так ты еще и артистка у меня?! Браво! – радостно вскричал дед, доставая из кармана костюма, увешанного орденами и медалями, «Степ» – любимые конфеты внучки.

Дмитрий Галкин

Галкин Дмитрий – автор произведений в жанре фантастики, фэнтези и приключений. Член Международного союза писателей им. св. св. Кирилла и Мефодия. Первая книга писателя «Звездная Сага» была издана в 2017 году при поддержке Литературного клуба «Добро».

Весна и подснежник

Так было всегда. И так будет

Каждый год девять долгих месяцев в кромешной темноте он дожидался её, зная, что она придёт. Когда до её появления оставалось совсем немного он чувствовал её теплое и свежее дыхание и его душу переполняла нежность. В эти последние дни он тоже набирался сил и ждал свою любимую. В какой-то момент он понял, что это произойдёт уже скоро. И тогда, напрягая все силы он крикнул в черную пустоту:

– Милая! Ты здесь?

– Да, любимый! – отвечал нежный голос.

Он успокаивался и начинал напряжённо вслушиваться. Очень важно было услышать немного позабытые едва различимые звуки. Ведь они были ознаменованием их скорой встречи. И спустя недолгое время они появились:

– Кап, кап, кап!

Он возликовал, ведь пришла она! Капель пришла! Значит и любимая тоже. Он поднатужился, и пробивая холодную толщу над головой, пробился на свет. Его звали Подснежник. Маленький и хрупкий, на тоненькой ножке, он выглянул из-под снега и прищурился. «Вот оно, солнышко!» – радовался Подснежник. Ещё бы, ведь тёплое солнце означало приход его любимой. Радость переполнила всё его существо, и он громко закричал:

– Весна! Весна, любимая!

– Я слышу тебя, слышу мой дорогой! – отвечали ветер и солнце.

– Я слышу тебя! – отвечали набухающие почки.

– Я слышу! – щебетали птицы.

Послышались тихие шаги и на поляну вышла девушка в лёгких блестящих одеждах. Серебристо-голубые волосы струились по её плечам, а на голове сверкала золотистая корона.

– Здравствуй Подснежник! – произнесла красавица и взмахнула руками.

Тысячи звонких капель упали на землю, траву и деревья. А одна капелька попала прямо на белоснежный бутон Подснежника. Он выпил живительную каплю и почувствовал в себе небывалую мощь. Он начал расти, а внутри своего организма он ощущал невероятные метаморфозы. Затем сознание его затуманилось, голова закружилась и на миг он перестал что-либо чувствовать. Подснежник исчез. Лишь маленькая лунка в снегу осталась на том месте, где он рос секунду назад. Зато на поляне появился молодой человек – стройный светловолосый юноша с голубыми глазами.

– Здравствуй Лилл! – поприветствовала его красавица.

– Здравствуй волшебница Капель! – юноша склонил голову. – Спасибо тебе. Ты снова победила древнее заклятие.

– Мне нравится видеть тебя счастливым, – ответила Капель, – но не забывай, что моей магии хватит только на три

месяца. Древнее заклятие так сильно, что мне его не побороть.

– Я помню об этом, – ответил Лилл, – а где моя любимая? Ведь ты оживила Весну?

– Ну конечно! Она идёт к тебе. Исполните предначертанное, а я удаляюсь.

С этими словами волшебница исчезла и только капельки росы напоминали об её недавнем присутствии. Лилл огляделся и увидел между деревьями девичий силуэт. На поляну вышла русоволосая красавица. Она увидела юношу и на секунду замерла. А потом бросилась в его объятия.

– Васанта! Любимая! – тихо говорил молодой человек, словно боялся вспугнуть хрупкое счастье.

– Лилл! Милый мой Лилл! – шептала она, не в силах расцепить руки.

От молодых людей исходила такая невероятная любовь, что снег на поляне растаял, а на деревьях проклюнулись крохотные ярко-зелёные листочки.

Молодые люди оглядели потеплевшую поляну и рассмеялись. Такова была их натура: они были молоды и быстро забывали о горестях. Да зачем переживать, когда вокруг столько красоты?

– Гляди, Лилл! – воскликнула Васанта. – Мы победили кусочек зимы! Снег растаял, а земля стала теплой.

Она рассмеялась. От её хрустального смеха зашумел тёплый ветер и где-то недалеко зажурчал ручей.

– Люблю твой смех, – сказал Лилл, – и твои глаза, особенно когда ты смеёшься. В них будто сверкают огоньки.

Юноша ещё раз крепко обнял девушку и спросил:

– Чем займёмся?

– Так! – призадумалась Васанта. – Сначала очистим от зимы этот лес! Сейчас мы здесь главные. Ну, а потом двинемся дальше.

– Чур, я первый разбиваю лёд!

– Хитренький! Давай на перегонки!

С весёлым смехом они побежали в сторону скованной льдом речушки.

***

Если весной окажешься в лесу, то обязательно услышишь шум, просыпающейся от зимнего сна, жизни. Это и шум ветра, и треск ломающегося льда, и какой-то гул, и звон. Кажется, что слышно шум надвигающейся весны. На самом деле это Лилл и Васанта трудятся не покладая рук. Вот уже который день они орудовали в лесу: ломали лёд на ручьях и реках, встряхивали заснеженные деревья и освобождали землю от снежных наносов. Иногда юноша и девушка останавливались для отдыха. Тогда они просто любовались друг другом и целовались. Ну что ещё делать молодым и влюбленным? А от их поцелуев таял снег и вырастали цветы. Ночью они ложились отдыхать на тёплую землю и любовались звездами.

– Вот та звезда похожа на тебя, – показывала Васанта

и улыбалась.

– А вот та – вылитая ты! – не оставался в долгу Лилл.

А утром, едва забрезжил рассвет, они просыпались и с новыми силами приступали к работе.

– Послушай, Лилл, – сказала однажды девушка, напившись воды из ручья. – По-моему, мы тут всё сделали. Нужно двигаться дальше.

– Ты права! – ответил юноша, удовлетворенно осматривая окрестности. – Лес свободен от зимы. Но впереди скованные льдом могучие реки и северные леса и города.

– Тогда в путь, любимый!

– В путь, милая Васанта!

Словно добрый весенний ураган они ворвались в ещё зимние северные края. В городах они освобождали от снега улицы, а от их поцелуев таяли сосульки на крышах. Иногда, Васанта и Лилл забирались на облако и сверху наблюдали, как закипает жизнь в оттаявших городах. Дни становились длиннее и теплее, ночи короче, а любовь крепче. Северные реки не выдерживали такого натиска веселья и с громким треском и ворчаньем расставались со своим ледяным покрывалом.

– Нечего вам ворчать! – смеялась Васанта. – Хватит бездельничать! У вас столько работы: освобождайтесь от льда и принимайте корабли. Люди уже готовы отправиться в плавание.

Лилл и Васанта старались изо всех сил, но при этом следили, чтобы не навредить людям. Ведь слишком сильное по-

ловодье могло затопить города и посевы, поэтому делали всё постепенно и в меру. Но иногда, самые вредные реки, разойдясь не на шутку, сильно разливались. Тогда Васанта и Лилл бросали все дела и отправлялись на помощь людям.

Вот в таких ежедневных заботах и хлопотах проводили время любящие друг друга юноша и девушка. Незаметно полетел Март-протальник, а за ним и вечно мокрый и весёлый Апрель-первоцвет. Зима уже ничем не напоминала о себе: она, как, впрочем, и каждый год, разобиделась и убралась отсиживаться на Северный полюс. Васанта и Лилл махнули на неё рукой. Потому что они сделали свое дело, а на Полюса их деятельность не распространялась. Пришёл май – травник и цветень, тёплый и самый романтичный месяц. Время любви, мечтаний и ночных поцелуев.

Казалось бы, жить и радоваться, но чем дальше шло время, тем чаще грустила Васанта. Однажды Лилл проснулся ночью и увидел, что Васанта горько плачет. От её слёз не выдержало небо и разразилось тёплым дождём.

– Что с тобой, милая? – бросился Лилл к девушке. – Не плачь, прошу тебя, не плачь, любимая.

Он обнимал девушку, гладил её мягкие волосы и тихонько приговаривал самые нежные и красивые на свете слова. Васанта успокоилась, перестала плакать и посмотрела на возлюбленного.

– Наше время уходит, милый. Моё время уходит.

Лилл похолодел от этих слов и вспомнил волшебницу Ка-

пель. Она ведь предупреждала, что время у них не так много. Горько-горько стало на душе у Лилла и ему самому захотелось заплакать. Но он взял в себя в руки и только крепче обнял подругу.

– Я знаю, любимая, знаю. Мы бессильны что-либо изменить. Знай только одно – я всегда любил тебя и буду любить.

– Знаю, милый мой Лилл, знаю. Я тоже люблю тебя, – прошептала Васанта.

А утром они проснулись как ни в чем не бывало и продолжали жить и наслаждаться друг другом. А однажды, это был яркий и очень тёплый день, Васанта вдруг остановилась без сил, и упала на мягкую траву. Лилл присел рядом и принялся тормошить её:

– Милая! Что с тобой? – вопрошал со слезами Лилл.

– Обними меня, – тихо попросила Васанта.

Юноша обнял её, а она положила голову к нему на колени.

– Вот и всё, любимый. Я умираю, – прошептала она.

– Нет, милая, нет! – вскрикнул Лилл, и стая птиц испуганно вспорхнула в небо. Из глаз его полились горькие слёзы.

– Ты же знаешь, ничего не изменить. Мне трудно… Поцелуй меня!

Лилл поцеловал свою любимую и она вдруг рассыпалась на тысячу лепестков. Заплаканными глазами Лилл огляделся вокруг и понял, что находится на той самой поляне, в том самом лесу. Только вместо снега, трава была усыпана белыми лепестками.

Послышались тихие шаги и на поляну пришла волшебница Капель.

– Здравствуй, Лилл, – грустно улыбнулась она, – плачешь?

Юноша не ответил.

– Иногда слёзы лучшее лекарство. Твои слёзы – показатель безграничной любви. Такая сильная любовь побуждает снять вечное заклятие. Только на это нужно время.

Она взмахнула руками и вокруг засверкали капельки росы. Лилл почувствовал, как в глазах потемнело и он, подобно его любимой Васанте, превратился в облачко лепестков.

Когда же оно рассеялось, на траве остался лишь едва заметный высохший Подснежник. Его сознание погрузилось в темноту на долгие девять месяцев.

Так было всегда. И так будет.

Маша и Лес

Маша не сразу поняла, что заблудилась. Мама и папа вроде находились всё время рядом. Но в какой-то момент девочка осталась одна. Она оглянулась по сторонам – никого. Тогда девочка закричала:

– Папа, мама! Я здесь! Ау, где вы?

В ответ ей была тишина, да лёгкий шум ветра.

– Я заблудилась! – сама себе сказала Маша.

Страха не было. Гораздо страшнее было в первый раз проехать на двухколёсном велосипеде. В тот раз они втроём с мамой и папой пришли на площадь Революции. Папа тогда сказал, что это лучшее место в Вологде для того, чтобы научиться кататься на велосипеде. И Маша поехала! Правда, страшно было до жути. Но виду она не показывала. А мама с папой радовались, смеялись и хлопали в ладоши. Весело, в общем, было! А нынче они отправились в самый настоящий лес за грибами. Под Кадников. Где такое место Маша понятия не имела. Зато ей нравилось само словосочетание: под Кадников! Звучало оно почти магически и напоминало девочке что-то из давно прочитанных сказок. Ей выдали маленькую корзинку и строго настрого велели держаться рядом. Но, Маша, видимо, увлеклась как всегда и оказалась одна одинёшенька. Что поделаешь, но человеку, который ещё не разуверился в волшебстве, такая ситуация не казалась

странной и опасной. Наоборот, девочка несколько приободрилась и стала внимательно смотреть по сторонам: авось что-то нужное попадётся. Так оно и случилось. Но, если бы это был взрослый человек, то он бы ничего не увидел. Потому что взрослые не верят в чудеса и никогда ничего не замечают. А детский разум устроен иначе: дети иногда видят то, чего взрослому ни за что не понять. Вот и сейчас, когда на маленькую полянку выпрыгнула большая лягушка, Маша обрадовалась. Наконец-то появился кто-то, с кем можно поговорить!

– Здравствуй лягушка! – сказала девочка.

– Здравствуй Маша! – проквакала старая лягушка. – Что ты тут делаешь одна, в волшебном лесу?

– Я заблудилась! А это взаправду волшебный лес?

– Конечно! Самый что ни на есть!

– О! Я так мечтала тут побывать, – обрадовалась Маша, – а как мне найти того, кто поможет мне выбраться из чащи и найти родителей?

– Я точно не скажу, – проквакала лягушка, – но могу свести тебя с одной старой щукой. Она так стара, что, говорят, видела самого Пушкина!

– Правда? Тогда отведи меня к ней!

Лягушка попрыгала в чащу леса. Девочка побежала следом, едва за ней успевая. Вскоре они оказались на поляне возле ручья. Лягушка остановилась около большой деревянной бадьи и проквакала:

– Здесь живёт щука! Постучи как следует, а то она глухая!

Лягушка прыгнула в сторону и исчезла в лесу. А Маша осталась одна около бадьи. Девочка тихонько постучала по деревянной стенке:

– Госпожа Щука! Мне нужно с вами поговорить.

В ответ была тишина. Тогда Маша постучала громче. Послышался всплеск и из бадьи высунулась огромная, обросшая тиной, щучья голова.

– Зачем так стучать? Я не глухая! Кто здесь? – проговорила щука старушечьим голосом.

– Это я, Маша! И я заблудилась! Прошу вашей помощи!

– Кто ты? Громче говори, а то я ведь стара стала, плохо слышу, – заскрипела щука.

– Маша я! Заблудилась! – громко крикнула девочка. – Заблудилась! Помощи прошу.

– Не ори, так, я не глухая. Значит, заблудилась? Это нехорошо, нужно тебе с родителями быть. Я тебе помогу, но с одним условием.

– Я согласна!

– Тогда возьми ведёрко и вычерпни старою воду из моей бадьи. Воду выплесни и сходи на ручей. Принеси свежей водички и вылей сюда. Очень я по свежей воде истосковалась.

Маша выполнила всё в точности, как сказала Щука. Как только она влила свежую воду, старая рыбина взбодрилась и радостно сообщила:

– У меня есть план как тебя к родителям доставить!

– Правда? – обрадовалась девочка.

– Да! Я дам тебе неразменный пятак. Ты его кидай вперёд. Как поднимешь – смотри: если орел – поворачивай вправо. Если решка, то на лево иди. Так и придёшь к старому пню. Он поможет.

– Спасибо, тётушка! – поблагодарила Маша Щуку и подняла с земли упавший из бадьи пятак. – А не жалко тебе пятака? Деньги ведь.

– Какая ты рассудительная не по годам! – зашамкала, смеясь, Щука. – Он ведь неразменный! Всё равно ко мне вернётся. Ступай с Богом.

Маша послушно кинула вперёд себя монету. Подбежала и подняв её, увидела герб. «Орёл», – подумала девочка и повернула направо. Вскоре она совсем углубилась в чащу леса и, наконец, дошла до огромного старого пня. Пень был воистину большой и чёрный, и обросший со всех сторон грибами.

– Здравствуй пень! – крикнула Маша.

– Это кто тут посмел меня потревожить? – раздался низкий, словно из-под земли, голос.

– Меня Маша зовут. Я заблудилась. Хочу маму и папу отыскать. А к тебе меня Щука направила.

– А, Марина Олкиевна изволила про меня вспомнить? – удивился пень.

– Кто? – в свою очередь удивилась девочка.

– Щука. Это её настоящее имя. Только не помнит никто. Разве что я, – пень помолчал немного, будто раздумывая

о чём-то, и продолжил: – Так, стало быть, помочь тебе?

– Да, дедушко пень. Ты уж помоги мне.

Понравилось пню, что с ним так вежливо разговаривают. Улыбнулся он про себя и сказал:

– Я помогу тебе. Но и ты должна мне помочь: видишь какой я старый и немощный? А ведь я расти хочу! Вот, даже побеги подготовил да расти им некуда. Опята меня облепили – просто спасу нет. Собери их все и будет мне свобода. Тем более, что у тебя корзинка пустая.

– Я просто ещё не успела ничего набрать, – покраснела Маша и стала собирать с пня кучки опят.

Вскоре у неё корзинка оказалась полной доверху. Девочка взглянула на пень и удивилась: только что ничего кроме грибов не было, а уже появились свежие побеги.

– Ха, ха, ха! – засмеялся утробным голосом пень. – Спасибо Маша! А теперь обойди меня и маму с папой встретишь!

Обрадованная девочка обошла пень и впереди себя увидела родителей. Те стояли в полном расстройстве и не знали, что делать.

– Мама! Папа! Я здесь! – крикнула Маша и выбежала на поляну.

– Ох ты заноза! – обнял её папа. – Как мы расстроились!

– Я чуть в обморок не упала! Я же просила тебя – будь рядом!

– Мамочка, папа! Я и была рядом. Но немножко отстала. А потом встретила лягушку и попросила помочь. А она от-

вела меня к мудрой Щуке. Я помогла ей и дошла до старого пня. А тот пообещал, что как только я соберу с него все грибы, то сразу же найду вас. Вот и нашла!

Папа с удивлением посмотрел на корзинку дочерни полную аппетитных опят.

– Ну ты и фантазёрка! А грибов-то больше нашего набрала!

– Значит, вечером будет вкусный ужин! – сказала мама. – Пойдём домой?

И они отправились в сторону дороги. Маша обернулась к лесу и подмигнула. В ответ ей на нос сел комар. Девочка рассмеялась и пошла вслед за родителями. И она нисколько не удивилось тому, что с ней произошло. Ведь она была маленькая и верила в чудеса и сказки.

А вы верите?

Александр Борохов

Доктор Александр Борохов, израильский практикующий врач-психиатр. Проживает в Иерусалиме. Преподает на кафедре психиатрии медицинского факультета Иерусалимского Еврейского Университета. Признанный на международном уровне эксперт по психопатологии татуировки. Автор 50 научных статей и 3-х монографий. Научные статьи переведены на английский, немецкий, иврит. Изданы художественные книги: психологический триллер «Охота на Фазана» (2015,2016,2017), сборник рассказов «По Гамбургскому счету» (2016), сборник поэзии «Зал ожидания» (2018), сборник рассказов «Сквозь смех и слёзы» (2018). Готовится в этом году к печати роман «Кровавая Икебана». Книги на русском языке изданы в России, Украине, Израиле, Канаде, Германии и Болгарии.

Профессор из Африки

Психбригада №9 была опытная и не раз прошла «обкатку танками», точнее «обкатку сумасшедшими бабками», а это гораздо круче, просто потому что танки бывают один —два раза в жизни, а бабки —каждый день. О подвигах «девятки» ходили легенды, ну легенды скорее походили на сказки, с хорошим голливудским концом.

Вот эта легенда начиналась так.

Сначала был… нет, не слово, я же не Библию пересказываю, так вот сначала был звонок. Нет не ужастик «Звонок», а просто телефонный звонок.

Какой-то добрый самаритянин позвонил на «03», и не менее добрая диспетчерша перевела его на нашу подстанцию. Встревоженный голос сообщил, что в квартире напротив творится что-то недоброе, сначала были звуки напоминающие кошачий вой, с прищемлением хвоста и без оркестра, а потом голос перешел на шепот и сообщил, что звуки напоминают крик роженицы.

Наш диспетчер пытался слабо отбиваться и перевести стрелки на родную милицию, но голос в трубку так жалобно ныл, при этом начал активно интересоваться паспортными данными диспетчера, а тому что-то подсказывало что это будет явно не благодарность. И диспетчер …сдался.

– Хорошо, – деловито произнес он, -Мы пошлём туда са-

мую опытную бригаду – НЛО.

– НЛО? – ошарашено спросил голос. – Они что инопланетян лечат?

– Неотложное Лечебное Обследование. Что касается инопланетян, были случаи… – добавил он многозначительно, – диктуйте точный адрес.

– Вот орлы, лететь вам в теплые страны, на улицу Первомайскую, дом 18 квартира 45.

Врач, прочитав причину обращения, скривил рот так, как ни при одном параличе не получится.

– Витька, что галоперидол прекратил принимать? Какие на хрен крики о помощи, необычного характера. Мы что шаманы тебе или пожарные? Вон в Штаты позвони, там доктор Хаус принимает круглосуточно…

– Хотите едьте, хотите, нет. Только позвонивший, записал точное время вызова.

Санитар Жора был суров и беспощаден.

– Слышишь, ты градусник недоделанный, ну чего ты нам всякую хрень пихаешь. Боюсь, что станешь ты вскоре профессионально не пригоден.

– Из-за чего? – с удивлением спросил диспетчер Хорько, по прозвищу Хорек.

– Из травмы уха.

– Нет у меня никакой травмы, да и откуда ей взяться?

– Думаю будет, – Жорик посмотрел на часы многозначительно, – минут через 45 максимум через час.

– Почему такая точность? – с испугом спросил Витька-Хорек.

– Как с вызова вернемся, так и… Ты лучше очередь заранее закажи- с отеческой заботой произнес Жора Ахмадуллин, по-боксерски разминая свою шею.

Когда бригада приехала к пункту назначения, уже смеркалось.

Дверь как дверь, вот только почему-то никто не реагировал на дверной звонок.

– Спят они, наверное? Ломать теперь что ли или милицию звать будем?

– А ты толкни, – порекомендовал Жора.

Дверь со скрипом приоткрылось.

Жора как самый бывалый в бригаде, остановил рукой доктора и второго санитара Бахытжана.

– Входим медленно, а то вдруг там засада. Помните, как полгода назад, психбригаду из центральной, под Новый год всю завалил один псих с ножом? Там, тоже дверь была приоткрыта… Значит так, первым иду я, потом Баха, к потом Вы Станислав Александрович.

Вошли «паровозиком», друг за другом, и остановились в темном коридоре.

Звук «Бау-ууу». Над головами. Стрела пробила дверь.

– Ложись! Засада! – скомандовал Жорик, бросившись на пол.

Там, где они только что стояли воткнулась вторая стрела.

Так что Жорик родился второй раз, несколько секунд назад

Поползли по-пластунски, двигая перед собой импровизированные щиты-биксы с медикаментами. Налево была кухня, без признаков опасности.

Дальше был зал с открытой дверью, откуда хорошо просматривалась входная дверь и хорошо простреленванный коридор. Следующая стрела подтвердила это, издав печальный звук «Дзинь!», отскочила от металлического бока бикса.

– Не высовываться из укрытий! – вновь скомандовал Жорик.

Жорик на мгновенье выглянул из-за дверного косяка и в тоже мгновенье стрела, впилась в дерево, сантиметров на десять выше Жориного лба.

Увиденное сильно потрясло бывалого фельдшера. Не смотря на мусульманское прошлое Ахмадуллин перекрестился и произнес:

– Больше не буду брать двойных дежурств, а то сам стану себе пациентом.

– А что там? – с тихим ужасом спросил Бахытжан

– Там дикая Африка!!!

Картина, увиденная Жориком, напоминала виденный недавно по видику отрывок из фильма «Копи царя Соломона»

За большим кожаным диваном, как за крепостной стеной замка, стоял сухопарый мужчина в круглых очках, в оранжевой набедренной повязке. Все его тело, включая лицо, было

разукрашено красно-белыми полосами. В руках он держал лук, а сзади стояла большая искусственная пальма.

– Я вождь племени масаев, профессор Бутурумба Зайцев. Я не стану вашим рабом, и вы подлые белые наемник, не отберете у меня свободу и сокровища! Апартеид не пройдет! Свобода или смерть!

Воспользовавшись короткой паузой Жорик давал распоряжения:

– Т-а-ак, мы так долго не продержимся! Станислав Александрович ползите на кухню, там есть кухонный стол, будем его использовать как большой щит. А ты, Баха давай, за посудой, та вроде сервиз какой-то стоял… – давал распоряжения Жорик

Потом они совместными усилиями перевернули тяжелый дубовый стол и перетащив его ко входу в гостиную, заняли оборону.

На кухне был найден сервиз «Мадонна» на двенадцать персон, тарелки и чашки использовались как осколочные гранаты, так как Жорик рекомендовал кидать их в стену за профессором или в потолок.

Стол был утыкан стрелами как гигантский дикобраз.

Неожиданно все прекратилось.

– В атаку! – закричал Баха и поднялся в полный рост с молочником в руке.

И тотчас что-то попало ему в лоб. С криком «Бля!», он рухнул назад с закрытыми глазами, ударившись затылком он

вновь произнёс: «Бля!» и сел на пол с открытыми глазами.

Коллеги по обороне стола начали его трясти.

– Вы тоже уже ТАМ? – буднично спросил Бахытжан.

– Где?

– В раю. Вас тоже стрелой убили?

– Паду ли я стрелой пронзённый. Ага, гачпекнусь я дрючком, пропертый… Да живой, ты Бахыт, живой. Он, бумажной пулькой, из резинки тебе в лоб попал. Вот, смотри, – сказал Станислав Александрович и протянул послюнявленную и свернутую под углом в 90 градусов полоску бумаги.

Баха окончательно пришел в себя, его лицо приняло доброжелательно-мстительное выражение, и он грозно пропел:

– Сейчас прольется чья-то кровь! Пленных не брать!

Профессор слабо отбивался, но итог боя был предрешен.

Вождь-профессор был весь изранен осколками от сервиза, однако сначала его связали за руки и за ноги и лишь потом облили его из пузырька с йодом. Когда йод закончился, вход пошла зеленка.

Потом продев палку от швабры между руками и ногами пятнистого профессора, Жора и Бахытжан снесли свой охотничий трофей в машину.

Возле машины они закурили.

– А чего это он с катушек сорвался? – спросил Баха

– А кто его знает? -задумчиво произнес бывалый фельдшер, – Как в Экклезиасте написано: «Многие знания, многие печали»…Грустно все это, теперь его племенем и надол-

го, станут пациенты в третьем буйном отделении. Ладно, залазь в машину. Надо еще успеть отдохнуть перед новой Африкой…

Список приговоренных

Был типичный июньский день в Иерусалиме. На улице жара. А в магазине хорошо, кондиционер. Это был оружейный магазин.

– Мы можем предложить пистолеты на любой карман. У нас есть новые и подержанные. Есть и раритеты, но все исключительно в рабочей форме. Например, оригинальный немецкий «Маузер» 1898 года, калибра 7,63 к нему прилагается деревянная кобура и 100 патронов, дальность прицельной стрельбы не меньше пятьсот метров. Всего 5,5 тысяч шекелей. А вот этот, «Браунинг» легко помещается в ладони, его рукоятка инкрустирована перламутром, в обойме восемь патронов. Всего за 1300 шекелей. Ну, если и это дорого, есть старая «Беретта» 22 калибра и бельгийский шестизарядный наган каждый по 600 шекелей.

Продавец посмотрел на потенциального покупателя, сделал красноречивую паузу предлагая ему осмыслить сказанное.

– Ну, так что же решили?

– Понимаете, цена для меня не главное.

Продавец оружейного магазина «Мой калибр» уже с интересом посмотрел на собеседника.

– А что же для Вас важно?

– Хорошая убойная сила, легкость в ношении и конечно

вместительность обоймы.

– Чувствуется, что Вы не новичок в нашем деле. Что ж могу предложить Вам глок -17, вместительность 17 патронов, легкий из полимерного пластика, отдача при стрельбе незначительная. К нему полагаются две обоймы. Может стрелять из-под воды. Даже если его вытащить из грязи или песка он будет стрелять, как ни в чем не бывало. Более того, к нему есть складной приклад. Вместе с прикладом 4000 шекелей. Можно заказать усиленные магазины на 33 патрона.

– Вот это мне подходит, но мне нужно 6 усиленных обойм!

– Вы меня простите, а за чем Вам 6 усиленных обойм? Это же 198 патронов! Вы что на войну собрались?

– Да, – серьезно произнес покупатель. – На войну со Злом. Злом с большой буквы «З». Я три года откладывал с каждой пенсии.

Продавец слегка побледненел, но автоматически продолжал улыбаться.

– А что Вы называете злом, с большой буквы «З»?

– Я буду убивать плохих людей.

Продавец побледнел еще больше.

– Вы имеете ввиду арабов-террористов?

– Почему обязательно арабов? Евреев.

– А евреи то Вам что сделали?

– Ну, ни всех евреев, только врачей!

Продавец начинает слегка заикаться

– Ка-а-а-ких вра-вра-вра-чей?

– Ясно каких врачей, врачей – вредителей!

Тут продавец сливается с белой стенкой и уже перестает заикаться, а тихо спрашивает:

– А как Вы их отличаете плохих от хороших?

– Ну, это совсем просто, – разулыбался покупатель, – тот, кто у меня в списке, тот и плохой!

И он достал из внутреннего кармана мятый листочек из тетради в клеточку.

– Вот, пожалуйста: номер один Зальцбург Марк, психиатр, номер два Крейцер Ирина, психиатр, номер три Тверской Хайм, семейный врач. У меня тут восемнадцать фамилий. Вам их всех зачитать?

– Нет спасибо, я вам верю. Но как же вы решили, что они плохие врачи?

– Я у всех них лечился.

В горле у продавца пересохло, но вернулось исчезнувшее заикание.

– Ввв-ам, на – на -навер-нннное потребуются запассс-ные ооо-боймы. По-о-о —ждите, я схожу на сссс-клад…

На ватных ногах продавец зашел на склад и набрал «101»

– Алло, полиция, я звоню из магазина «Мой калибр», тут какой-то псих хочет купить пистолет и перестрелять два десятка врачей.

Через пять минут в магазин ворвались пятеро спецназовцев заломив руки, они вывели «истребителя врачей» и передали бригаде скорой помощи.

Артур Розенфельд, так звали этого «крестоносца», провел в больнице ни много не мало пять лет. Каждые полгода он писал апелляцию. И вместе с ней на стол психиатрической комиссии ложилась петиция от 18 «приговоренных врачей», им очень не хотелось повторить судьбу 26 бакинских комиссаров…

И комиссия, в которой тоже были психиатры, шла на встречу своим коллегам. Филейные части Розенфельда приняли на себя удар карательной медицины и были нафаршированы нейролептиками как фаршированные перцы, которые готовила покойная бабушка Рива.

Но однажды оборона была прорвана и не в меру ретивый адвокат, решил добиться свободы для Артура. Он переснял пухлую историю болезни, ползал по интернету как блестящая навозная муха по трупу коровы, выискивая прецеденты. И вот однажды…

***

Мужчина еще раз любовно протер тряпочкой медную табличку «Заместитель главного врача, доктор Роберто Ривкин». Отойдя на два шага, он склонил голову к левому плечу и еще раз посмотрел на надпись.

– Конечно в Аргентине, у него был кабинет побольше, но все-таки… Нужно было сделать буквы покрупнее!

– Извините к Вам можно?

Мужчина недоуменно обернулся.

– Вы уверены, что ко мне?

– Вы же зам. глав. врача этой больницы? – ни то спросил, ни то утвердительно произнес посетитель.

Мужчина вздохнул и пригласил гостя в свой кабинет.

– Слушаю Вас.

– Меня зовут Аарон Каплун, я адвокат Артура Розенфельда.

– А кто это? – удивленно спросил мужчина

– Вы что не знаете своих пациентов? – в свою очередь удивился адвокат.

– Видите ли, – начал уклончиво Ривкин, – я здесь недавно. У моего предшественника случился инфаркт и после реабилитации, он категорически отказался от должности. А причину не объяснил…

– А понятно, – сказал служитель Фемиды – Дело вот в чем, у вас незаконно находится на принудительном лечении мой подопечный и я готов передать дело в более высокие инстанции, чтобы добиться правды! – он вытащил черную папку под мрамор, размером с могильную плиту, на которой была наклеена надпись: «Артур Розенфельд».

Роберто подумал, что его должность ни такая уж привлекательная, как ему казалось раньше. Он снял трубку и набрал номер заведующего первым мужским закрытым отделением и царственно произнес:

– Доктор Концевой, зайдите ко мне сейчас. Да, это срочно!

Через несколько минут в кабинет зашел плотный мужчина

в очках и в футболке с надписью «Лас Вегас».

– Вот, – и Роберто указал пальцем на своего гостя, – жалобы поступают, что у Вас больные находятся на незаконных основаниях. А Вы знаете, как у нас пресса реагирует на все, мы же в демократической стране живем, а не в России!

– А можно поконкретнее? – произнес заведующий и посмотрел вызывающе на заместителя главного врача.

– Речь идет о больном Розенфельде! – металлическим голосом произнёс Ривкин, пытаясь показать кто в кабинете главный.

– А, Артур-Истребитель, теперь понятно!

– Что? Что Вам понятно?! У вас человек пять лет как в застенках КГБ, а Вы даже шага к реабилитации не сделали. Так что не вижу оснований, задерживать пациента и сам буду присутствовать на ближайшей комиссии и ходатайствовать о выписке. Да что Вы там за бумажку мнете?

– Ах, эту! Так, ерунда. Санитар у Артура под подушкой обнаружил…

– Дайте сюда. «Седьмой, дополненный и исправленный список приговоренных». Что это за чушь?

– Вы читайте, читайте! Ваша фамилия третья, после лечащего врача и моей… А Вы, если не ошибаюсь его адвокат Каплун?

– Да, – с некоторым гордым вызовом произнес молодой человек.

– Вы тоже есть в списке, – радостно сообщил доктор Кон-

цевой, – под номером восемь, после санитаров Хасана, Миши и Джорджа.

Оба его собеседника напоминали двух рыбок без аквариума. Заведующий мужским отделением снисходительно улыбнулся и бросил небрежно в сторону нового зам. главврача:

– Кстати, ваш предшественник, возглавлял шестой список…

Белеет парус одинокий…

Дело было так. Решили как-то три врача отметить своё поступление на курс по наркологии, а на дворе стоял суровый 1987 год. Помните, был ещё тогда популярный анекдот, что лучший приз за антиалкогольную пропаганду – бутылка коньяка; а ещё был и другой, это когда папаша с сыном смотрят на длинную-длинную очередь, и сынок спрашивает: «Папа, а это очередь в музей или за водкой?» «В музей водки, сынок», – грустно отвечает отец.

В общем, это было то самое время типа начала ледникового периода, когда всё постепенно начинало вымирать, и первой пала водка…

Ну, не одна она, конечно, с сотоварищами, – там портвейны всякие, даже живительный пивной родник высох. Люди в гости ходили со «стеклянным подарком" или там на премьеру в театр по «стеклянному билету»…

Так вот, собрались они как три васнецовских богатыря в городе на Неве, значит; один из них был представителем Средней Азии, второй из Челябинска, а третий, вы не поверите, из Биробиджана.

На улице февраль, холодно, минус двадцать один. Денег тоже небогато. Куда идти, не знают, сунулись в пару ресторанов. То ли вид у них был слишком интеллигентный, то ли им правду сказали: «Мест нет».

Стоят, мёрзнут возле третьего, где сказали, что, возможно, пустят, когда места случайно освободятся… Тут азиатский коллега и говорит: «Пойдем ко мне в комнату в общаге, у меня во-о-от такенная дыня есть. И чай, хороший, крепкий чай».

А челябинец ему отвечает: «Сразу видно, нерусский ты человек, Куаныш! Как же ты людей лечить от алкоголизма будешь, если ты даже не знаешь действие водки на человека?».

Тут маленький Куаныш засуетился, да так, что даже начал путать падежи и склонения: «Зачем обижаешь. Я водка не знаю, да ее с детства пью! Я всё знаю! Например, после какой кружка пива туалет ходить надо. И армянский коньяк самый лучший коньяк в мире, тоже два раза пил. И знаю, что такое „ёрш, бодун и заполировать“. Практически сторона я знаю лучше всех в районе, только бумажка с курсов нужна…»

А биробиджанец его по плечу похлопал и говорит: «Да ладно, коллега, успокойся, не сомневаемся мы ни в тебе, ни в твоей дыне. Но выпить-то надо!»

Челябинец начинает свирепеть и произносить антипартийные лозунги: «Это ж надо, в какой б… ской стране живем! Врачу – интеллигенту негде выпить! Да я бы сейчас весь тракторный завод продал за поллитруху».

Тут слышим чужой голос из-за спины челябинца: «Пожалуй, тракторный завод не надо, а вот пятнадцать рублей

вполне хватит…»

Челябинец как шарахнется в сторону с криком: «Уйди, глюк!». Тут мы и узрели гномообразного мужичка со слезящимися красными глазками, в стареньком пальтишке и собачей шапке, вежливо вопрошающего будущих наркологов: «Так господа желают выпить или как?»

Те, в свою очередь, хором размахивают руками, подтверждая, что их желание припасть к истокам жидкой мысли великого Менделеева абсолютно искренне.

А южный друг широким жестом протягивает двадцатипятирублевую ассигнацию и говорит: «Уважаемый, Вы две принеси, да?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.